

Пролог

Москва, 1934 год

Этой ночью выпал первый снег. Еще совсем слабый, осторожный, он, словно опытный художник, лишь сделал тонкие наброски, только обозначил предстоящий триумф зимнего шедевра. Белая вуаль нежной дымкой окутала серые московские мостовые, скользнула по молчаливым домам и ласково обняла еще зеленые деревья и газоны. Первый снег в городе обречен. Не пройдет и нескольких часов, как от элегантного эскиза останутся только серые подтеки и грязные лужи, вызывающие отвращение у кутающихся в теплую одежду прохожих. Он красив лишь робкие мгновения, но даже сейчас, пока первый снег еще мог радовать глаз и не превратился в растаявшее недоразумение, собравшиеся люди не обращали внимания на его мимолетное изящество.

Гораздо больше их занимало другое.

— Да не посмеют они! — горячился бородатый однорукий мужик в застиранной гимнастерке. — Поглымятся и бросят!

— Красоту такую переводить — грех! — согласился с инвалидом плешивый старичок.

— Да им-то, безбожникам, что? — подала голос пожилая женщина в цветастом платке. — Они греха не боятся.

— И то верно! — неожиданно громко поддакнул испитой дворник. — От креста их воротит, авторитетно говорю!

— Тише ты! — одернула его дородная жена. — А то еще услышат!

— И пусть слышат!

— За такие разговоры запросто на Соловках сгноят, — покачал головой плешивый старичок. — Не надо бы так громко.

— Пусть слышат! — не унимался дворник, несмотря на протестующие жесты жены. — Пусть слышат, безбожники!

— Жить, что ли, надоело?

— Уймись, Потапыч, у них сейчас сила. У них...

У них... Сейчас. Пока.

Разговор затих, и все посмотрели на гордо взметнувшуюся к серому осеннему небу Сухареву башню, окруженную плотным кольцом энкавэдэшников. Одинаковая синяя форма, почти одинаковый рост, одинаковая поза: ноги расставлены на ширину плеч, винтовки с примкнутыми штыками направлены на людей — делали синих почти нереальными. Казалось, что тот же художник, который украсил Москву первым снегом, взял и набросал шеренгу одинаковых столбиков вокруг красавицы башни, то ли забор хотел нарисовать, то ли просто вытирал кисти. И еще казалось, что вот-вотрастают синие звери, как этот первый снег, и грязью лягут под ноги москвичей, но это только казалось. Энкавэдэшники не таяли, а та дикая ненависть, которая выбивалась в сторону людей из-под натянутых на узкие лбы фуражек, лучше всего свидетельствовала об их реальности. Правда, и ответные взгляды, которыми награждали синих москвичи, были лишены доброжелательности.

— Почто Сухареву башню под арест взяли? — поинтересовался у толпы слегка нетрезвый работяга, судя по всему грузчик. — Иль о коммуняхках чего не так сказала?

Ему не ответили, но вопрос витал в воздухе.

Что же они задумали?

— А закончилось все тем, что Торговая Гильдия выставила Ордену счет за порчу груза и требует с нас компенсацию, — высокий, затянутый в военную форму старик с карими миндалевидными глазами выдержал паузу. — Не правда ли, наглецы?

Старик был Фредерик де Лье, мастер войны, вышедший боевой маг Великого Дома Чудь, а его рассказ был в первую очередь обращен к красавице Сусанне. Очаровательная фата Зеленого Дома, одетая в простую черную юбку и кожаную тужурку, стянутую на тонкой талии ремнем, вежливо улыбнулась в ответ. Голова Сусанны была перехвачена красной косынкой, которая скрывала роскошные светлые волосы, но зато выгодно оттеняла нежное лицо, тонкие черты которого напоминали мордочку маленького смешливого лисенка. Сусанна была молода — всего тридцать пять лет, что по меркам Великого Дома Людь самое начало расцвета, — а уже достигла магического уровня фаты, занимала видное положение при дворе и была отмечена королевой. Очаровательной, похожей на лисичку колдунье предсказывали большое будущее.

— Уверена, что вы сумеете отстоять интересы Великого Дома, Фредерик. — Лучистые зеленые глаза Сусанны скользнули по магу и переместились на третьего собеседника: — А вы что скажете, комиссар? Ведь шаши — ваши подданные.

— Темный Двор уже три тысячи лет отказывается от сопровождения караванов Гильдии, с тех пор как шаши попытались требовать с нас убытки за погибшее во время шторма судно. Мы до сих пор спорим с Гильдией, пытаюсь выяснить, кто виноват в той истории.

Третий и последний участник разговора — высокий мужчина в элегантном сером костюме — резко выделялся не только среди своих собеседников, но и вообще среди всех, кто в этот час находился на Сухаревке. Аккуратно зачесанные черные волосы, чеканный профиль, черные, глубоко посаженные глаза, независимые манеры и удивительная свобода, которая сквозила в каждом

его движении, притягивали внимание окружающих. Высокий вызывал в памяти забытое при коммунистах буржуазное слово «денди», и даже его автомобиль — единственное на всю Москву причудливо изогнутое спортивное купе — показывал, что черноволосый плевать хотел на принятую в империи серость. Сантьяга, комиссар Темного Двора, высший боевой маг Великого Дома Навь, даже в мыслях не допускал отказа от привычек, выработанных за тысячи лет до возникновения коммунизма.

— Скажите, комиссар, — снова обратилась к нему Сусанна, — вы действительно верите в эти истории о Сухаревой башне?

— В какие именно, очаровательная фата? — улыбнулся в ответ Сантьяга. — Вы позволите мне так называть вас?

— Позволю. — Огромные ярко-зеленые глаза Сусанны скользнули по лицу нава.

Комиссар Темного Двора не пользовался особой любовью в Тайном Городе. В других Великих Домах его уважали, боялись, ненавидели, и теперь, впервые столкнувшись лицом к лицу с Сантьягой, молодая фата неожиданно для себя подумала, что все услышанное ею о легендарном комиссаре до сих пор не очень-то соответствует тому, что она увидела. Интеллигентный и остроумный Сантьяга был совсем не похож на средоточие зла.

— Думаю, мне будет приятно подобное обращение.

— Благодарю, — кивнул нав. — Так каким именно слухам я должен действительно верить, очаровательная фата?

— О Черной Книге, например.

— Но мы же здесь, — комиссар снова улыбнулся. — Слухи это или нет, но, когда я сообщил, что сумел убедить коммунистов сломать башню, все Великие Дома прислали сюда своих наблюдателей.

— История научила нас внимательно относиться к слухам, — задумчиво произнесла Сусанна, — но есть ли

под этими разговорами о Черной Книге реальная почва? Признаться, мне не верится, что среди чело­в могут обнаружиться серьезные колдуны.

— И правильно не верится, — проворчал де Лье. Старого мага немного обижал тот факт, что, несмотря на все его усилия, красавица фата уделяет больше внимания долговязому наву. — Челы никогда не достигнут приличного магического уровня. С каждым днем они все дальше и дальше уходят от своих корней. Их цивилизация идет по другому пути.

— Я бы не был столь категоричен, — мягко не согласился с чудом комиссар. — Появление отдельных магов, даже высокого уровня, никак не связано с основным направлением развития цивилизации, как вы правильно заметили, у них есть соответствующие корни, и пример Якова Брюса подтверждает эту гипотезу. Но сейчас мы говорим о другом: о знаниях, которые были доступны челам в прошлом. Мы до сих пор не можем найти спрятанную ими библиотеку Иоанна Грозного, а ведь считается, что в ней содержатся труды асуров, самых первых обитателей Земли.

— А как Черная Книга связана с библиотекой Иоанна Грозного? — спросила фата.

— Князь Темного Двора считает, что Черная Книга, которую Шотландец спрятал в Сухаревой башне, содержит ключевые знания библиотеки.

— То есть вы уверены, что Черная Книга существует?

— Я в этом убежден, очаровательная фата.

— Все это бездоказательно, — снова встрял в разговор де Лье.

— Одно доказательство есть.

— Какое?

— Ни вы, мой старый враг, ни наша очаровательная спутница, — Сантьяга элегантно склонился в сторону фаты, — ни я и вообще ни один обитатель Тайного Города, включая князя, королеву и великого магистра, не может войти в Сухареву башню. С этим, Фредерик, вы, разумеется, не поспорите. Мы даже не способны по-

нять, какая именно сила вышвыривает нас оттуда. А если вспомнить, что ни внутрь башни, ни из нее невозможно сделать портал, то все это, знаете ли, заставляет относиться к челам с несколько большим уважением.

— Уникальный факт, — махнул руками чуд.

— А вы как думаете, Сусанна?

— Некоторые строения Тайного Города до сих пор вызывают у нас удивление, — медленно ответила фата, — Дегунинский Оракул, например. Возможно, Сухарева башня была заложена еще асурами и...

Сталкиваясь с необъяснимыми фактами, большая часть обитателей Тайного Города шла по давно проторенной дорожке — сваливала все странное на головы его строителей.

— Асуры не имели ни малейшего отношения к возведению башни, — покачал головой комиссар и поднял глаза, любуясь величавой красавицей. — Она — творение челов, от фундамента до шпиля. Она была создана челами для челов, и поэтому сломать ее могут только челы. — Сантьяга оглянулся и повелительно окликнул стоящего на почтительном удалении кривоногого энкавэдэшника: — Эй, вот вы, коммунист, подойдите сюда.

— Слушаюсь, товарищ начальник!

Вызванный коммунист не знал, кем именно является фронт в щегольском штатском костюме, но ему велели беспрекословно подчиняться, и он, подбежав и вытянувшись во фронт, преданно вытаращил на Сантьягу глаза.

— Фамилия?

— Перзамкомоткаркавкрполэнкавэдэ Полубезрыбенко!

В переводе на русский это сочетание букв означало, что стоящий перед комиссаром вояка служит первым заместителем командира отдельного карательного кавалерийского краснознаменного полка НКВД. Коммунисты отменили армейские звания и, обращаясь друг к другу, называли должность собеседника или употребляли словечко «товарищ». И то и другое вызывало у нава легкое раздражение.

— Как идет работа, коммунист?

— Рабочие ломают перекрытия на верхних этажах башни, товарищ начальник! — бойко отрапортовал Полубезрыбенко. — Как нам и было приказано, мы разбираем строительный мусор на самые маленькие камешки на предмет поиска тайников с сокрытыми буржуазией ценностями!

— Какие именно ценности вы ищете?

— Шкатулки, ящики, сундуки, а также книги или отдельные документы! — заученно перечислил перзамкомоткаркавкрполэнкавэдэ. — Все, что не относится к строительному мусору, будет доставлено для осмотра.

— Я доволен вами, коммунист, — милостиво кивнул Сантьяга, — продолжайте.

Полубезрыбенко козырнул и откатился на прежнее расстояние от начальства.

— Грамотный солдат, — одобрил де Лье.

— Просто хорошая дрессировка, — кисло улыбнулся комиссар. — Не сомневаюсь, что они притащат нам целую кучу никчемного барахла.

— Значит, вы тоже в душе считаете, что мы зря тратим время? — опять затынул свою песню мастер войны и мстительно добавил: — И Темный Двор напрасно оплатил коммунистам снос Сухаревой башни.

— Но, как я понимаю, дело было не только в деньгах, — подхватила тему фата Сусанна. — Комиссар, как вы сумели уговорить человеческих вождей разрушить башню?

— Учитывая поразительные, прямо-таки потрясающие презрение и ненависть, которые испытывают коммунисты к своему прошлому, это было не очень сложно, — махнул рукой Сантьяга. — С предыдущим режимом мы бы ни за что не договорились.

— Да, челы челам рознь, — кивнула красавица фата.

— Вы думаете, коммунистов можно назвать челами? — поинтересовался комиссар.

— Эрлийцы проводили вскрытие — они уверяют, что внутреннее строение коммуниста в целом совпада-

ет со строением обычного чела, — сообщил Фредерик де Лье. — Правда, они не проводили детального исследования мозга.

— Это примитивно, — сморщила носик Сусанна. — Сантьяга имел в виду совсем другое.

— Совершенно верно, очаровательная фата, — подтвердил комиссар. — Согласитесь, Фредерик, что сложно назвать челом существо, которому противны все принципы морали и этики, сложившиеся в обществе. Существо, отрицающее любой опыт, любые запреты и любые законы. Существо, горящее своей ненавистью ко всем остальным и вызывающее ненависть у всех окружающих, включая и товарищей по стаду.

— Тогда почему челы попали под иго этих существ? Разве управляют не умнейшие?

— Управляют или умнейшие, или сильнейшие. Мы с вами видели достаточно обществ, построенных на ненависти. Здесь — то же самое. Та дикая жестокость, которую проявили коммунисты, завоевывая власть, сделала свое дело.

— На штыках нельзя усидеть.

— Правильно, но они и не собираются сидеть, идея режима — непрерывное насилие. Кто не с нами, тот против нас. Сначала они уничтожили своих врагов, затем мыслящих людей, затем людей с чувством собственного достоинства. Лишенный цвета нации народ изменяется, деградирует, пытается смягчить непрерывный террор рабским повиновением. Это инстинкт самосохранения. Сидеть на штыках невозможно, нужно непрерывно использовать эти штыки, и тогда остается шанс. Главное для коммунистов — продержаться как можно дольше, чтобы успеть истребить наиболее активную часть населения.

— Думаете, это легко?

— Время покажет. Или коммунистам удастся их план, или через некоторое время их будут вешать на фонарных столбах.

— Кажется, к нам гость, — буркнул де Лье.

Сантьяга повернулся и небрежно махнул рукой:

— Ничего страшного, Фредерик, это Каганович, городской бонза. По нашему соглашению он осуществляет идеологическое прикрытие проекта и должен здесь засветиться.

— А зачем вам потребовалось идеологическое прикрытие? — удивилась фата Сусанна.

Комиссар поморщился:

— Темный Двор не собирается отвечать перед чешскими потомками за снос башни. Пусть они проклинают тех, кому мы заплатили.

— Далеко смотрите, — заметил де Лье. — Пока еще челы и понятия не имеют о существовании Темного Двора. И вообще Тайного Города.

— Неважно, — серьезно ответил Сантьяга. — Когда-нибудь это изменится.

К окруженной синими башне подъехал длинный блестящий автомобиль, подножки которого облепили рослые телохранители. Как только автомобиль остановился, из сопровождавших его машин повыскакивали дополнительные охранники и тесным строем опоясали выбравшегося из лимузина усатенького человечка. Резервный взвод энкавэдэшников, парившийся до появления Кагановича у грузовиков, быстро образовал вокруг вождя второе кольцо, надежно защитив его усатенькое тельце от любящих горожан. Сантьяга презрительно ухмыльнулся:

— Яркий пример того, о чем мы только что говорили, Фредерик. Взяв за основу идеологию насилия, коммунисты построили общество, в котором не могут доверять даже друг другу. Смотрите: от людей Кагановича охраняют энкавэдэшники, но еще одна банда, особо приближенных телохранителей, защищает его от энкавэдэшников, поскольку среди них может оказаться убийца, посланный соратником по партии.

— Инстинкт самосохранения, — передернула плечиками Сусанна.

— Сильно развитый, — подтвердил комиссар. — Но строить цивилизацию на инстинктах все-таки нонсенс.

— Вы правы.

— Это еще цветочки, — подал голос мастер войны. — Я знаю одного коммуниста, Якира, так он доверяет только китайским наемникам. Они по-русски ни бельмеса, вот он и думает, что узкоглазые не смогут договориться с кем-либо из его врагов.

— Разрешите доложить?

Собеседники обернулись.

— За последние пять минут магической активности вокруг башни замечено не было, — сообщил Франц де Гир, широкоплечий рыжеволосый мужчина в армейской форме. По слухам этот умелый и талантливый рыцарь командор должен был сменить Фредерика де Лье на посту мастера войны. — Ни единого всплеска.

— Продолжайте обходы по периметру, Франц, — приказал Сантьяга. По молчаливому согласию всех Великих Домов он осуществлял общее руководство на правах инициатора проекта. — Фиксируйте любой, даже самый незначительный всплеск энергии. Ортега, вы еще не устали?

Нав, входящий в патруль, отрицательно покачал головой — он непрерывно прощупывал окружающее пространство и не мог отвлекаться на разговоры.

— Еще раз, Франц, — напомнил Фредерик, — любой колдун, проявивший активность вблизи башни, должен быть остановлен и арестован.

Это наставление звучало каждый раз, когда патруль проходил мимо руководителей операции, и каждый раз рыцарь командор реагировал одинаково:

— Я понял, мастер войны, разрешите продолжить патрулирование?

— Разрешаю.

— Ты бы не глазела так, красавица, — негромко произнес однорукий мужчина в потертой гимнастёрке, — они этого страсть как не любят.

— Да я и не глазею. — Кара поправила платок и улыбнулась инвалиду: — А почто они вокруг дома выстроились?

— Дома... — передразнил ее однорукий. — Ты откуда взялась, красавица?

— Тверские мы, в домработницах тута служим. — Отправляясь на Сухаревку, Кара постаралась как можно сильнее изменить свою внешность и теперь, одетая в простенький теплый платок, широкую юбку и бесформенное пальто, легко могла сойти за безграмотную провинциальную молодуху. — Уже неделю как служим у товарищей Марципанских, на Рождественке.

— Тута служим, — инвалид вздохнул и с неожиданной ловкостью свернул себе самокрутку. — Не дом это, темнота ты тверская, а башня наша знаменитая. Сухарева башня.

— Чем же она знаменита? — Кара могла рассказать историю башни гораздо лучше мужика, но роль пришлось играть до конца.

— Петр Первый ее построил. — Мужик глубоко затянулся и выпустил струю едкого вонючего дыма. — Москву царь-батюшка не любил, а красавицу эту здесь построил и колдуна в ней поселил...

— Колдуна-а? — протянула Кара.

— Колдуна, — строго кивнул инвалид. — Шотландца-звездочета. И крепко-накрепко ему приказал защищать землю от напасти всякой...

— Сказки ты рассказываешь, — обернулся к однорукому плешивый старичок. — Шотландец твой, Яшка Брюс, с нечистым снюхался. Потому и жил в Москве, а не в Санкт-Петербурге. А царю служил, чтобы грехи свои замолить. Башня тюрьмой ему была, а если ее сломают, то дух колдуна освободится, — старик понизил голос, — коммунисты, наверное, специально хотят Брюса выпустить...

— Эй, молчать! Не разговаривать!! — приземистый энкавэдэшник злобно зыркнул на людей из-под натянутой на глаза фуражки.

Кара тихонько ойкнула и спряталась за спину одно-рукого.

Увиденное ее не порадовало. Сухарева башня была полностью оцеплена. Молчаливые солдаты в униформе синего окраса стояли густо, плечо к плечу, пресекая любые попытки москвичей приблизиться к зданию. Пройти сквозь эту цепь для нее не представляло никакого труда, но Кара прекрасно понимала, что, как только она применит свои способности, ее тут же засекут наблюдатели Тайного Города. В том, что они здесь были, женщина не сомневалась: Кара успела заметить и роскошное спортивное купе, и щегольский костюм его владельца и была уверена, что помощники комиссара Темного Двора взяли всю прилегающую территорию под плотный контроль. Тем не менее ей было необходимо попасть внутрь башни. Как можно скорее.

Она и так почти опоздала.

Наиболее удобное для проникновения место Кара нашла легко: забор идущей неподалеку стройки подходил вплотную к кольцу оцепления, людей там практически не было, зато прямо за спинами энкавдэшников находилась маленькая дверь, ведущая в подсобные помещения башни. Дальнейший путь проблем не вызывал — женщина превосходно ориентировалась во внутреннем устройстве здания, — оставалось только выбрать подходящий момент и добраться до этой двери.

Кара снова поправила платок и еще раз внимательно осмотрела энкавдэшников — нелюдей среди них, судя по всему, не было. Пора? Жгучее нетерпение, страшная боязнь не успеть толкали ее вперед, но холодный рассудок требовал — ждать. Слишком много поставлено на карту. Ошибки быть не должно. И оказалась права. Не прошло и двух минут, как из-за угла башни появилась небольшая процессия. Впереди вышагивал широкоплечий рыжеволосый мужчина в армейской форме. Де Гир, узнала Кара, — рыцарь командор войны. Следом медленно шел высокий черноволосый нав, судя по затуманенным глазам, он прощупывал

пространство, выискивая любое проявление магической энергии. Замыкал процессию кряжистый белобрысый люд.

«Все собрались, — усмехнулась про себя Кара. — Ни один Великий Дом не проигнорировал снос башни. Ну что же, этого следовало ожидать».

Патруль не спеша проследовал вдоль оцепления и скрылся за следующим углом. Кара выждала еще пару минут, глубоко вздохнула и сжала кулаки — вот теперь пора!

— Есть всплеск! — Ортега широко распахнул черные глаза.

— Где? — резко обернулся де Гир.

— Напротив черного хода! Мы только что там были!

— Сообщите комиссару! — Франц развернулся и помчался обратно.

Наведение морока было одним из простейших заклинаний, которое осваивали начинающие маги любой школы. Короткая, произнесенная шепотом фраза, минимальная концентрация, толика магической энергии, и Кара стала невидимой для обычных людей. Она просто растворилась в воздухе и со всех ног помчалась к шеренге энкавэдэшников.

— Стоять!

Краем глаза Кара увидела, что плешивый старичок бросился ей наперерез. Нелюдь? Но он был слишком далеко. Кара оттолкнула обалдевших от неожиданности энкавэдэшников — трудно не удивиться, когда какая-то невидимая сила толкает тебя из пустоты, — и побежала к заветной двери. Над ее головой с тихим шелестом пролетела и врезалась в стену башни «шаровая молния». Старичок оказался боевым магом, но, видимо, не слишком расторопным. Еще два шага — и Кара, рывком распахнув дверь, стала для него недосыгаемой.

— Всплеск энергии у черного хода!

— Это он! — Черные глаза Сантьяги возбужденно засверкали. — Он пришел за книгой! Полубезрыбенко! Ко мне!

К магам рысью подбежал кривоногий перзамком-откаркавкрполэнкавэдэ.

— Перекрыть все выходы! Направить внутрь башни еще один взвод!

— Там уже двести человек находятся, товарищ начальник! Посты на каждом повороте!

— Еще один взвод в башню, скотина! — взорвался де Лье. — Все закоулки, все коридоры прочесать сетью! Головой ответишь, урод!

Энкавэдэшник в ужасе козырнул и помчался к Сухаревой башне.

— Всех магов в режим боевой готовности! Проверять каждого, кто выйдет из башни!

— Как он прорвался? — вздохнула Сусанна. — Мы же контролировали все пространство.

— Она, — поправил фату Сантьяга, — мне только что сообщили, что это была человеческая женщина. Она воспользовалась магией в самый последний момент и проскочила. Наш наблюдатель оказался нерасторопен.

— Посмотрим, как эта чертовка будет выходить оттуда, — проворчал де Лье. — Клянусь доспехами Спящего, ей придется здорово потрудиться.

Сантьяга задумчиво поправил дорогуший галстук:

— Жаль, что нам нельзя внутрь...

Внутри было еще хуже. Кругом горели электрические лампы, коридоры прерывались наспех сооруженными решетчатыми дверями, и у каждой дежурило как минимум по два синих энкавэдэшника с оружием на изготовку. Все еще невидимая Кара на секунду остановилась, чтобы перевести дыхание, и откуда-то сверху до нее донеслись мерные удары — коммунисты ломали старинные стены башни.

— Тревога! Тревога!!
«Началось!»

Со стороны центрального входа послышался нестройный топот многочисленных сапог. Размах операции вызывал уважение, казалось, нелюди согнали в Сухареву башню весь личный состав НКВД Московского округа. Ну да это их дело. Для того чтобы ее остановить, требуется нечто большее, чем армия разжиревших карателей. Кара сдернула надоевший платок, тряхнула пышной гривой пшеничных волос и сквозь зубы пробормотала активизирующее боевой артефакт заклинание. Кольцо на ее пальце зловеще засверкало.

— Она вошла отсюда! Прочесать коридор!

Кара сузила глаза, обернулась и, выставив перед собой руку, сжала кулак — из кольца вырвался мощный поток огня.

— Пожар!! Пожар!!!

Обожженные коммунисты в панике бросились прочь. Запрятанное в кольце заклинание — «дыхание дракона» — своим действием напоминало огнемёт, интенсивность которого управлялась сжиманием кулака, а длительность действия — запасом энергии и классом заклинания. Ни на то, ни на другое Кара не поспешила и при желании могла сжечь Сухареву башню до основания.

— Что происходит, Полубезрыбенко? — осведомилась де Лье.

— Там, там... — растерянный перзамкомоткаркавкрполэнкавэдэ замахал руками. — Там — я не знаю, товарищи говорят — пожар. Пожар начался! У меня раненые!!

— Как распространяется пожар? Где он начался?

— От черного хода. — Кривоногий энкавэдэшник наконец-то взял себя в руки. — От черного хода начался, товарищ начальник, а распространяется по коридорам. Мы вызвали пожарных.

— Что происходит в башне?

— Не знаю. Часовые из нижних коридоров были вынуждены покинуть свои посты. Там железные решетки плавятся!

— Все часовые ушли?

— Все, — подтвердил Полубезрыбенко. — Все, кто успел.

— А остальные? — тихо спросила Сусанна.

— Остальных она сожгла, — спокойно произнес Сантьяга и деловито расстелил на капоте своего автомобиля какую-то схему: — Значит, Черная Книга где-то на нижних этажах... Фредерик, кто у нас прикрывает подземные коммуникации?

— Там Богдан ле Ста и шесть рыцарей узурпаторов, — быстро ответил де Лье. — Плюс двое ваших и две феи Зеленого Дома.

— Надо подбросить им подкрепление. Направьте туда Франца.

— Вы думаете, что она будет уходить подземными ходами?

— Скорее всего. В любом случае здесь мы сами сумеем ее встретить.

Последнюю дверь она тоже сожгла, влетела в маленькую сводчатую комнатку, огляделась, скорее просто от возбуждения, откуда здесь взяться энкавэдэшникам, и сразу же закашлялась — удушливый дым быстро распространялся по узким коридорам башни. Где-то там, в горелом чаду, стонали недожаренные каратели, угрожающе тлели деревянные перекрытия, раздавались крики пожарных, но это был лишь фон, неинтересный шум. Кара деактивировала артефакт и прошла к дальней стене. Кажется, здесь. Точно, здесь. Она рывком отодвинула деревянную панель, открыв каменную плиту со сложным узором, глубоко вздохнула, приводя в порядок нервы, облизнула полные губы и медленно поднесла к узору руку. Задача была не очень сложной,

но требовала определенной концентрации: необходимо было, читая заклинание, одновременно вручную активизировать в определенной последовательности линии узора. При достаточной сноровке это можно было сделать за две с половиной минуты. Кара уложилась в три, и, когда последняя часть узора озарилась бледным голубоватым сиянием, она с облегчением услышала тихое гудение. Башня приняла ее ключ.

Помещение наполнил приглушенный призрачный свет, и в центре комнаты, в воздухе, примерно на уровне груди, появился толстый том в черном переплете.

Получилось!

Кара ликовала. Она радостно схватила книгу, не удержалась и прижала тяжелый том к груди. Успела! Спасла!!

— Воду сюда подавай! Подавай, сказал, дурак!

— Да здесь и огня-то нет!

— Вот здесь тлеет!

Каратели приближались. Кара вытащила из кармана пальто большой платок и аккуратно обернула им свое сокровище.

Теперь следовало подумать над планом бегства. Все варианты, которые приходили ей в голову до сих пор, были или невыполнимыми, или самоубийственными, но выбрать приходилось именно из них. Кара крепко-накрепко привязала книгу к телу, застегнула пальто и снова активизировала «дыхание дракона». Куда же прорываться? К подвалам, где есть выходы в московские лабиринты, или наверх, где можно выпрыгнуть из окна и постараться смешаться с толпой? Враги ждали и там, и там...

Кара задумчиво поправила волосы, подошла к дверям, прислушалась к доносящимся из коридора голосам и уже собиралась покинуть комнату, когда ее внимание привлек узор: каменная плита по-прежнему излучала мерное голубоватое сияние. Странно, после того как ключ принят, магические замки обычно отключаются. Охваченная радостным предчувствием, Кара по-

дошла к плите и попыталась провести пальцем по узору — рука легко прошла сквозь него. Портал? Но это невозможно! Все знают, что внутри Сухаревой башни магия портала не действует. Но размышлять было некогда, голоса карателей приближались, за стенами башни ее ждали нелюди, и единственный путь к спасению был здесь — путь, построенный предусмотрительным и умным Яковом Брюсом.

— Спасибо, Шотландец, — прошептала Кара и шагнула в портал.

Каганович давно уехал, толпа, повздыхав, разошлась, пожар потушили, стены красавицы башни дрожали под ударами стахановских молотобойцев, а от костра, у которого грелись энкавэдэшники, потянуло «Интернационалом» — продрогшие каратели пытались поднять себе моральный дух.

— Знаете, господа, я, пожалуй, поеду, — сообщил компаньонам Сантьяга. — Боюсь, что наше дальнейшее пребывание здесь будет безрезультатным. Стены коммунисты доломают и без нас, а душу из Сухаревой башни уже вынули.

— Человская ведьма еще не выходила, — проворчал де Лье.

— Значит, ее уже там нет.

— Но как? Клянусь доспехами Спящего, это невозможно!

— Какая разница? — пожал плечами комиссар. — Если челы придумали, как не пустить нас в башню, ну ужели они не могли придумать, как скрыться из нее в случае необходимости?

— Значит, вы считаете, что эта женщина унесла Черную Книгу?

Сантьяга облокотился на автомобиль и с рассеянной улыбкой посмотрел на Сусанну:

— Я уверен в этом, моя очаровательная фата. К сожалению, я в этом уверен.

— Видимо, это связано с тем, что Сухарева башня строилась на ваших глазах.

— И с этим тоже.

— И наверняка с ней связано много историй.

Рассеянность Сантьяги прошла. Он внимательно посмотрел в лучистые глаза молодой фаты и улыбнулся. Уже без рассеянности.

— Вы знаете, Сусанна, здесь недалеко есть очаровательный ресторанчик, в котором мы можем продолжить наш разговор.

— И насколько далеко продолжить?

Фредерик де Лье крикнул и вежливо отошел в сторону. Сантьяга — само внимание — распахнул дверцу спортивного купе и подал Сусанне руку:

— Насколько вам будет угодно, моя очаровательная фата. Но предупреждаю сразу — я знаю массу историй.

— А я ужасно любопытна. — И хрупкая ладошка золотовласой Сусанны встретилась с твердой рукой комиссара.

Это не был обычный портал, мягкий и плавный, в который можно спокойно войти с полной кружкой пива в руке и так же спокойно вынести ее оттуда. Это был экстренный канал, который Шотландец прорубил сквозь защищавшие башню сети, кривой переход с минимумом комфорта.

Кару вышвырнуло в каком-то лесу, с высоты примерно полутора метров. Она пребольно ударилась о холодную землю, кажется, потянула плечо, исцарапала лицо, но такие мелочи не могли испортить ей настроение. Лежа на жухлой траве, ощущая привязанную к телу Черную Книгу, Кара блаженно раскинула руки и улыбнулась.

Она победила!

ГЛАВА I

Ну вот и все.

Он сделал это, поставил последнюю точку, перевернул последнюю страницу, закрыл эту проклятую книгу.

И понял, как сильно устал.

Максим Грек откинулся на спинку неудобного деревянного стула, тяжело вздохнул, и его тощие плечи расслабленно поникли под старенькой рысой, словно монах действительно сбросил с них настоящий, тяжеленный груз. А разве не так? Разве титанический труд, который он проделал в последние годы, не являлся таким грузом? Грек слабо улыбнулся, глядя на небрежно брошенное перо. Может быть, если бы он не понимал, что творит, если бы невероятность и колоссальная важность задачи, поставленной перед ним русским царем, ускользнула бы от его разума, может быть, тогда он не был бы столь вымотан последними годами. Работа с древними книгами была его страстью, доставляла подлинную радость. Максим отдыхал, жадно поглощая или переписывая сокровищницы знаний, он наслаждался своей причастностью к ним, с восторгом перелистывая страницы древних фолиантов. Именно эта страсть привела его во владения русского царя, именно эта страсть помогла добиться доверия этого странного и жестокого человека, именно эта страсть открыла ему доступ к самой главной тайне

Иоанна Грозного. К тайне, которую доверила русской династии Софья Палеолог. К тайне, которая мучила всех цивилизованных государей и в которую проник он, скромный монах Максим Грек, ибо ему доверил грозный Иоанн работать в своей библиотеке. И страсть умерла.

Маленькая каморка, в которой проводил почти все свое время Грек, была завалена томами в роскошных и не очень переплетах, папирусными свитками, пергаментными грамотами и даже глиняными табличками, выглядевшими настолько забавно и неестественно, что, увидев их впервые, Максим не мог сдержать улыбку. От подобного богатства голова монаха пошла кругом. С необычайным волнением гладил он солидные тома, прижимал к груди пожелтевшие манускрипты, трепетно ласкал массивные печати, он чувствовал себя счастливейшим человеком в мире. Душа его парила в восторженных облаках, и страсть сжигала сердце до тех пор, пока Грек не прочел первую грамоту, пока не вник в суть первой выбранной наугад книги, пока широкие крылья тайны, охватывающей всю человеческую цивилизацию, не разогнали эти облака, крепко-накрепко привязав Максима к полутемной каморке, затерянной в бесчисленных коридорах Московского Кремля. Тайна была в этих знаниях, тайна мелькала в горящих глазах русского царя, и, дочитав первую книгу, Грек с ужасом осознал, в какую пучину забел его дерзкий разум, какие знания нашел он в загадочной Московии. Маленький монах понял, что жизнь его отныне ему не принадлежит.

Страсть умерла. Но остался ясный ум, остались опыт и мастерство одного из образованнейших людей своего времени, остались упорство и настойчивость, которые и помогли Максиму выполнить сложнейшее задание Иоанна Грозного. Грек потерял глаза и осторожно провел рукой по

толстому тому, переплетенному черной кожей. Осторожно, потому что монах боялся своего творения, потому что последние десять лет этот тяжелый фолиант преследовал его в самых страшных ночных кошмарах, потому что Максим прекрасно понимал, какая сила таится на рукописных страницах этой книги. Но русский царь был прав: он должен был выполнить задание, создать этот том, потому что знания, сокрытые в самой библиотеке, были еще ужаснее.

Монах снова вздохнул и медленно поднялся со стула: пора идти к Грозному.

— Кажется, я в тебе не ошибся, Грек. — Голос московского владыки был несколько глуховат. — Ты хорошо поработал.

Максим склонил голову:

— Надеюсь, государь.

— Ну, надейся, надейся...

Русского царя Грек боялся до колик в желудке. Казалось бы, ничего особенного: не самая густая в мире борода, невпечатляющая фигура, негромкий голос, тонкие черты лица, напоминающие ястребиные, тяжелый взгляд горящих глаз, но было в Иоанне нечто, заставляющее всех, включая и Максима, дрожать от страха в присутствии грозного повелителя. Широкие крылья тайны распростерлись над ястребиным профилем, колоссальная ответственность давила на узкие плечи, и, если бы монах разобрался в этом раньше, а еще лучше — на расстоянии, то никакая страсть, никакая награда не заманили бы его в эту дикую страну к ее дикому властелину.

— Моя работа завершена, государь.

— Даже Господь оставил незавершенными много дел, Грек, — рассеянно отозвался царь, листая

книгу. — Что уж говорить о нас, грешных. Как тебе понравилось в Московии?

Впервые со времени их встречи Иоанн заинтересовался жизнью монаха, и Грек почувствовал, как по его спине побежали неприятные мурашки.

— Твой город прекрасен, государь, но...

— А это хорошо, что тебе понравилось у нас.

Мурашек стало намного больше, в животе образовался неприятный холодный комок, но Грек постарался взять себя в руки:

— Я бы хотел вернуться на родину, государь.

— Дороги опасны и трудны, Грек: реки, болота, разбойники. В городе тебе будет безопасно. Спокойно и богато. — Царь не поднимал глаз. — Ты ни в чем не будешь нуждаться, Грек.

Тайна — обреченно понял монах. Все время их знакомства Иоанн демонстрировал монаху свое благорасположение, которое вызывало удивление и зависть бояр, привыкших к яростным вспышкам безумного царского гнева. Все время Грозный был с монахом подчеркнуто любезен и вежлив. Но сейчас в тяжелых и грустных глазах владыки Максим прочитал свою судьбу: остаток дней ему придется провести в Московии.

— Как ты назвал свою книгу, Грек?

— Я оставил это на ваше усмотрение, государь.

— У этой книги не может быть названия. — Царь захлопнул том и, глядя на непроницаемо-черный переплет, закончил: — Ее будут звать Черная Книга. Клянусь, это название стоит той тьмы, которую ты вложил в нее.

* * *

«Вы хотите знать правду? История человеческой цивилизации переписывалась тысячи раз, и всякий раз из нее выбрасывались важнейшие факты! Кто правил на Земле до появления человека? Благодаря чему мы

овладели этим миром? Есть ли на нашей планете другие формы разумной жизни? Блестящие работы выдающегося ученого, профессора Льва Моисеевича Серебрянца дают однозначный ответ: мы не единственная разумная раса на Земле! Вы не верите? Приходите на бесплатные лекции профессора Серебрянца, проходящие в крупнейших университетах Москвы! Смотрите авторскую передачу профессора «Наш дом — Земля» на телеканале...» («КоммерсантЪ»)

«Тайный Город до сих пор обсуждает карточный поединок между человеческой парой Егор Бесяев — Кортес и шасами Биджаром Хамзи — Каримом Томба. Неожиданно разгромный проигрыш чело, которые потеряли в «Реактивной куропатке» около ста пятидесяти тысяч, никого не оставил равнодушным, ведь, учитывая, что Егор Бесяев является действующим чемпионом Тайного Города по элементарному покеру, большинство наблюдателей ставили именно на...» («Тиграджом»)

* * *

Вилла «Каравелла».
Москва, Серебряный Бор,
27 сентября, среда, 11.36

Этой ночью выпал первый снег.

Робкий, незрелый, он пушистой пудрой присыпал аккуратно подстриженные газоны, дорожки, искусно выложенные мраморной плиткой, и ветви деревьев, лениво стучащие в окна. Первый снег в лесу всегда праздник. Засыпающая природа ждет его с нетерпением, словно усталый ребенок, жаждущий побыстрее забраться под одеяло, укрыться с головой и заснуть, набираясь сил для новых игр. Первый снег ласкает землю, манит обещанием покоя и всегда обманывает. Его жизнь коротка и мимолетна. Он приходит на одну ночь, чтобы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
Глава 1	24
Глава 2	66
Глава 3	99
Глава 4	160
Глава 5	209
Глава 6	243
Глава 7	292
Глава 8	328
Глава 9	371
Эпилог	428